

К.К. Абдрахманова *, З.Г. Сактаганова

*Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: kimbat_abd@mail.ru; zauresh63@mail.ru)*

История детских домов Центрального Казахстана в 1940–1950-е гг.

В статье проанализировано функционирование детских домов Центрального Казахстана в военные и послевоенные годы на основе архивных материалов и воспоминаний. Объектом исследования стали детдома и дети/подростки, оставшиеся без семьи и оказавшиеся на государственном попечении по разным причинам (голод, депортации, Великая Отечественная война, эвакуация, политические репрессии и аресты родителей, смерть родителей и др.). Авторами были изучены контингент и состав воспитанников детских домов региона, а также выделены основные источники поступления детей. Авторы проанализировали материально-бытовые, жилищные, санитарно-гигиенические условия проживания детей. Отдельно было уделено внимание вопросам здоровья и качества медицинского обслуживания, проблемам питания и снабжения продовольственными и непродовольственными товарами, аспектам воспитания и трудоустройства. Авторы приходят к выводу, что резкий рост численности воспитанников детских домов Центрального Казахстана приходится на 1940-е гг. Положение детских домов было крайне тяжелым: высокая скученность детей, антисанитарные условия, голод и болезни, рукоприкладство и издевательства. Заметные улучшения были отмечены лишь к середине 1950-х гг., которые выражались в улучшении материального состояния детей, повышении качества питания, в обеспечении одеждой, воспитания и общего облика детских домов и самих воспитанников.

Ключевые слова: советское детство, Центральный Казахстан, детский дом, воспитательная трудовая колония, детская беспризорность, детская безнадзорность, несовершеннолетние осужденные, дети ГУЛАГа.

Введение

Великая Отечественная война вызвала не только резкое увеличение контингента осиротевших и обездоленных детей, но и еще больше усугубила имеющееся положение в детских домах. Война привела к массовым жертвам и людским потерям взрослого населения, причем не только среди мужчин, но и женщин. Массовые эвакуации с оккупированных территорий, новая волна политических репрессий и насильственных депортаций привели к ужесточению уголовного законодательства, а это, в свою очередь, — к всплеску безнадзорного и беспризорного контингента. Голод в военное и послевоенное время стал еще одной причиной беспризорности и безнадзорности. Родители не могли обеспечить своих детей необходимыми условиями проживания. Поэтому дети уходили из своих домов в поисках еды и более благоприятной жизни. Не сокращалась и численность детей, бежавших из детских учреждений, ремесленных училищ и мест трудоустройств. В связи с этим детский дом в советскую эпоху стал главным учреждением по спасению жизни безнадзорных и беспризорных детей. Популярная фраза того времени: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» была главным идеологическим лозунгом, под которым не только скрывали всю реальную действительность, но

* Автор-корреспондент. E-mail: kimbat_abd@mail.ru

и еще внедряли ложь в детское сознание. Это, в свою очередь, порождало у детей психологическую травму и разочарование. Однако существовавшие тогда такие системы, как жесткая цензура и полный контроль, не позволяли об этом открыто говорить.

С первых дней войны власти прекрасно понимали о предстоящем всплеске беспризорного и безнадзорного контингента. Уже 20 августа 1941 г. всем НарКомЗдравам союзных республик было разослано Инструктивное письмо от Народного комиссариата здравоохранения СССР Г. Митирева о том, что в связи с эвакуацией детей и матерей из угрожаемых районов в некоторых республиках и областях будет значительное увеличение численности детского населения и детских учреждений. Поэтому все органы здравоохранения должны были быть готовы обеспечить полноценную лечебно-профилактическую помощь [1; 18–19].

23 января 1942 г. вышло Постановление СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [2; 376–377]. В Постановлении прописывалось, что центральные и краевые структуры власти обязаны обустроить детей, которые остались сиротами или потеряли родителей при переезде в другую местность. Для этих мероприятий при исполкомах были созданы Комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, а НКВД СССР было поручено заниматься выявлением всех безнадзорных детей и размещением их в приёмниках-распределителях НКВД СССР. Параллельно не щадили и тех, кого считали членами семей изменников Родины. 24 июня 1942 г. Государственный комитет обороны принял Постановление № ГОКО–1926 СС «О членах семей изменников Родине», где четко прописывалось, что отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, жившие совместно с изменником Родине, подлежат аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на срок в пять лет [2; 379–380]. Таким образом, дети стали жертвой не только войны, но и террора. Зачастую детям приходилось выживать в детских учреждениях, так как они столкнулись с такими проблемами, как голод, дефицит продуктов питания, отсутствие элементарных условий в жилых помещениях детских домов, антисанитария, нехватка средств гигиены, одежды, учебных принадлежностей и т.д.

Методология, методы и источники исследования

При написании научной статьи методологической базой послужили теоретические работы западноевропейских и российских авторов. Большую работу в изучении советского детства проделала английский историк К. Келли, которая отмечала, что государственная идеология и политика в области детства военных и послевоенных лет имела существенные отличия от предыдущего периода, так как, начиная с середины 1930-х гг., семья стала трактоваться как основа социальной стабильности и ячейкой социалистического общества [3]. Изучению «позднего детства» и юношества в послевоенные годы были посвящены исследования Ю. Фюрста [4]. Автор в своей работе «Последнее сталинское поколение: молодежь, государство, комсомол. 1945–1953» говорит о важности понятия «поколение» для советского общества. О неудачной социальной политике советской власти в отношении детей, приведшей к росту беспризорности, говорит Ш. Фицпатрик [5]. Среди российских исследователей следует назвать статью В.С. Журавлева и А.К. Соколова «Счастлирое детство», где авторы констатируют, что, несмотря на мощную идеологическую пропаганду, советские дети и подростки, испытавшие все прелести сталинского террора, чувствовали недоумение, разочарование и протест к власти [6]. О специфике послевоенных детей писала Е.А. Зубкова [7]. В.Ф. Зима уделил внимание проблемам детской беспризорности и преступности в послевоенные годы [8]. Исследователь М.Р. Зезина считает, что резкий рост детского сиротства был связан не только с войной, но и с голодом, репрессиями и массовой нуждой. Автор указывает, что система социальной защиты детей-сирот была ориентирована не на предупреждение сиротства, а лишь на борьбу с его отрицательными последствиями [9]. Проблемам российского детства, аспектам детской беспризорности и безнадзорности XX века были посвящены труды А.А. Сальниковой, А.А. Славко [10–11]. История советского детства и социальной защиты детей в 1920–1950-е гг. изучается в региональном аспекте [12–13].

В отечественной историографии история детских домов Казахстана нашла отражение в трудах Г.Б. Сүгірәлімовой, К.К. Абилямаликова, А.К. Кутубаевой, Г.К. Кемелжановой [14–16].

Проблемы советского детства Казахстана в рамках социальной истории начали изучать карагандинские ученые З.Г. Сактаганова, Ж.К. Абдукаримова, Д.Д. Шапагатова и другие, начиная с 2020 г. [17–18].

Источниковой базой статьи послужили нормативные, статистические, делопроизводственные и распорядительные документы, находящиеся в фондах Государственного архива Карагандинской об-

ласти (ГА КО) и Государственного архива Каркаралинского района (ГА КР). Из ГА КО были задействованы архивные документы (годовые отчеты, сводки, акты проверок, докладные записки, статистические данные) из следующих фондов: Партийные фонды 1П, 3П — Карагандинский областной комитет КП(б)К города Караганды, Карагандинский обком ВКП (б); Фонд 18 — Областной совет депутатов трудящихся; Фонд 469 — Карагандинский отдел народного образования; Фонд 664 — Карагандинский областной отдел здравоохранения. Из ГА КР были привлечены Фонд 132 — Каркаралинский городской детский дом. Кроме этого, учитывая, что положение детских домов по всему Советскому Союзу было идентичным, нами, в качестве доказательства, были привлечены материалы интервью и воспоминаний бывших воспитанников детских домов из разных частей Советского Союза. Большая часть архивных документов вводится в научный оборот авторами статьи впервые. Используя метод реконструкции, авторы попытались показать историю формирования и развития детских домов Центрального Казахстана, а также положение воспитанников в военные и послевоенные годы. Сравнительно-исторический метод помог выявить отличия и особенности развития детских домов в 1940–1950-е гг. Историко-типологический метод позволил продемонстрировать положение детей в разных детских домах. Ретроспективный метод позволил определить основные причины и факторы развития детских домов в указанные годы.

Обсуждение проблемы и результаты исследования

В 1941 г. на территории Карагандинской области имелось 4 детских дома: Компанейский, Осакаровский № 5, Осакаровский № 9, Каркаралинский. В Областном архиве нами была обнаружена ежемесячная статистика за 1941 г. с указанием численности детей в детских домах, по которой можно отследить движение контингента, источник поступления, причины выбытия, половой и национальный состав. В частности, в Компанейском детском доме контингент с марта по ноябрь 1941 г. увеличился в 1,2 раза. Если в марте 1941 г. на балансе детдома числилось 488 детей (в том числе 7 детей казахской национальности (35 %) и 207 девочек (43 %), то в ноябре 1941 г. — 614 детей (в том числе казахов — 5 (0,8 %) и 304 (49 %) девочек). Основным источником пополнения стали переводы из других детских домов и поступления из приемников НКВД [19; 22, 68]. В Осакаровском детском доме № 9 за указанный период контингент также возрос на 1,2 раза. В марте 1941 г. количество воспитанников составило 344 детей. Из них было 23 (7 %) детей казахской национальности, а также 162 девочки (47 %). За 9 месяцев контингент увеличился и составил 427 детей. Причина увеличения были связаны: в марте — поступило 8 детей из учреждений облздрави, в июне и августе из учреждений НКВД — 36 и 19 детей, в ноябре — 6 детей из приемников НКВД и 71 эвакуированных детей из других регионов в связи с началом войны [19; 22, 50, 68]. Осакаровский детский дом № 5 также пополнялся за счет детей из учреждений НКВД и других детских домов. В марте 1941 контингент составил 281 детей и в ноябре 1941 г. — 352 детей. Удельный вес казахов составлял 5 %, а девочек — 42 % [19; 22–24, 50, 68]. В Каркаралинском детском доме большинство детей было казахской национальности. К примеру, их количество составляло: в марте 1941 г. при общем контингенте 124 человек 105 детей (85 %) были казахами. В последующие месяцы численность казахов было не менее 50 %, а численность девочек не снижалась ниже 30 %. К ноябрю 1941 г. контингент увеличился в 1,1 раз и составил 143 детей. За указанный период основным источником пополнения были дети из учреждений НКВД [19; 22–24, 50, 68].

Кроме того, из-за резкого увеличения детского контингента временно были открыты Осакаровский детский дом № 1 на 100 человек и Осакаровский детский дом № 8, где числилось 190 детей [19; 22]. Дело в том, что в последующие годы мы больше не встречали по ним информацию. Вероятно, это были временные учреждения, которые расформировали, а числившихся на их балансе детей перевели в другие детские дома.

Таким образом, в конце 1941 г. в обозначенных 6 детских домах содержалось 1826 детей [19; 22], тогда как в марте 1941 г. на балансе 4 детских домов области числилось 1237 детей. Как мы видим, с марта по ноябрь 1941 г. численность детей в детских домах области возросла в 1,5 раза. При этом пополнение детей осуществлялось по принципу освобожденных мест, то есть не было строгих регламентаций по приему детей из мест отправки. Например, детдом № 5 — только эвакуированных детей, Компанейский — исключительно из учреждений НКВД. Все детдома принимали к себе и эвакуированных детей, и детей из других детских домов, и детей из учреждений НКВД (детприемники и Карлаг). Основная причина роста численности контингента в детских домах за указанный период была связана с началом Великой Отечественной войны.

По состоянию на 1 июня 1943 г. в области числилось 4 детских дома, где находилось 1567 воспитанника. Возрастно-половой контингент детских домов Карагандинской области имел следующую картину: дети от 3 до 7 лет — 10,7 %; от 8 до 11 лет — 31,7 %; от 12 до 13 лет — 32,6 %; от 14 лет и старше — 24,4 %. Удельный вес мальчиков составил 47,2 %, девочек — 52,8 %. Дети, эвакуированных из других территорий, составили 47,7 %. Статистические данные свидетельствуют, что наибольший контингент детей приходился на Компанейский и Осакаровский детские дома [20; 157].

После окончания войны контингент детей в детдомах значительно возрос. Особенно было много детей дошкольного возраста, поступавших из детских яслей области, Дома малютки Карлага, детприемников МВД. В связи с этим в области были открыты новые детские дома, чтобы разгрузить контингент в существующих детских домах. В частности, в сентябре 1946 г. по линии Облоно в п. Майкудук Сталинского района был открыт Дошкольный детский дом на 100 мест. Сюда перевели детей дошкольного возраста из Осакаровского детского дома п. № 5 и Компанейского детского дома. В феврале 1947 г. в нем числилось 80 детей дошкольного возраста. 16 декабря 1946 г. при Шахте им. Кирова в Кировском районе г. Караганды по линии Комбината «Карагандауголь» был открыт еще один дошкольный детский дом, рассчитанный на 50 мест. В феврале 1947 г. на его балансе уже числилось 30 детей [21; 199 об.].

В 1949 г. в Карагандинской области было зафиксировано 6 детских домов, которые были заполнены выше положенного лимита (см. табл.).

Т а б л и ц а

Контингент детей в детских домах в Карагандинской области по состоянию на 1 июля 1949 г. [21; 306]

Детский дом	Количество мест	Количество воспитанников
Компанейский	500	658
Осакаровский (п. № 5)	200	337
Осакаровский (п. № 9)	300	450
Каркаралинский	170	250
Детский дом Нового города	75	123
Майкудукский	120	116
Итого	1365	1934

Согласно данным таблицы, можно подсчитать, что практически во всех детских домах положенный лимит был переполнен: в Компанейском детском доме в 1,3 раза, в Осакаровском детском доме п. № 5 в 1,7 раза, в Осакаровском детском доме п. № 9 в 1,5 раза, в Каркаралинском детском доме в 1,5 раза, в детском доме Нового города в 1,6 раза. В целом по области количество воспитанников превышало лимит в 1,4 раза. Данная статистика наглядно показывает тяжелую ситуацию с детскими домами. С одной стороны, это динамичный рост контингента в детских домах по разным причинам, с другой — неготовность области к предоставлению им мест.

Согласно архивным материалам, контингент детдомов области имел разные источники пополнения. На примере данных за 1949 г. видно, что из прибывших 895 детей, 515 детей (57,5 %) прибыло из детприемника МВД, 36 детей (4 %) из дома малютки Карлага МВД, 40 детей (4,4 %) поступили из больницы [22; 165]. Таким образом, с 1941 по 1949 гг. контингент воспитанников в детских домах возрос с 1237 детей до 1934 детей, или в 1,6 раза, причем основной пик приходится на первые годы Великой Отечественной войны.

Необходимо отметить, что дети заключенных женщин Карлага и спецконтингента содержались не только в детских домах и детприемниках области, но и в детских яслях. Нами были обнаружены конъюнктурные обзоры «О лечебной и профилактической помощи детям Карагандинской области за 1946, 1947, 1948 и 1949 гг.», где было зафиксировано, что контингент детей в детских яслях был крайне ослабленный. Основная причина — в большинстве поступали дети от матерей-одиночек, вышедших из заключения, а также от вербованных и высланных в область контингентов. Только в г. Караганде в детских яслях находится до 800 детей матерей-одиночек, в г. Темиртау до 80 % детей являлись детьми матерей-одиночек [23; 62]. В 1947 году из лагеря заключённых было освобождено значительное число женщин беременных и с детьми. Эти матери часто подбрасывали своих детей или приносили их в детские учреждения и оставляли там, дети оставались без грудного вскармливания, а детские учреждения не могли предоставить им качественного, смешанного или искусственного

вскармливания из-за отсутствия молока. Часть матерей-одиночек, сдавших своих детей в дом малюток, использовались в качестве кормилиц, но всё же большинство детей оставалось на искусственном вскармливании. Это вызывало высокий процент дистрофии этих детей и высокую смертность [23; 215–216]. Многие дети-подкидыши подбирались возле вокзалов, на улицах, в уборных и мусорных ящиках, поступали замерзшие, синие. Большинство этих детей в первые дни подхватывали пневмонию. Не менее важным источником повышения детской смертности являлся факт рождаемости значительного количества детей у матерей-одиночек, освобождаемых по беременности из заключения. В большинстве они были слабо заинтересованы в сохранности своих детей, поэтому ежедневно фиксировались факты подбрасывания истощённых детей, что, в свою очередь, приводило к значительной смертности в доме малютки [23; 169–170].

Нормативные документы, акты и справки по результатам проверок детских домов, годовые и полугодовые отчеты детских домов, облоно, здравоотдела, решения и постановления исполнительных властей за 1940-е гг. свидетельствуют о тяжелой ситуации в детдомах Карагандинской области, особенно в годы войны. Хотелось бы отметить, что такая ситуация была характерна для всех детских домов СССР. В связи с этим 1 сентября 1943 г. было принято Постановление СНК СССР «Об улучшении и работы детских домов». [2; 390–391]. Согласно данному Постановлению, областные и краевые исполкомы и СНК автономных и союзных республик обязаны были принять меры к немедленному устранению скученности детей, оборудованию детских домов кроватями, мебелью, культинвентарем, кухонной и столовой посудой.

Однако, как показали архивные документы 1940-х гг., положение воспитанников детских домов оставалось на том же уровне. Архивные документы свидетельствуют, что дети были лишены элементарных человеческих условий: полуголодное существование, отсутствие одежды, антисанитарные условия, неквалифицированный педагогический состав, психологическое унижение и рукоприкладство. Уместно будет привести воспоминания воспитанницы детдома Н.Л. Савельевой, которая рассказывала о своей детдомовской жизни на Дальнем Востоке: «Метод воспитания в детдоме был на кулаках. На моих глазах директор избивала мальчиков постарше меня, головой о стену и кулаками по лицу, за то, что при обыске она у них находила в карманах хлебные крошки, подозревая их в том, что они готовят сухари к побегу. Воспитатели нам так и говорили: «Вы никому не нужны». Когда нас выводили на прогулку, то дети няnek и воспитательниц на нас показывали пальцами и кричали: «Врагов, врагов ведут!» А мы, наверное, и на самом деле были похожи на них. Головы наши были острижены наголо, одеты мы были как попало. Белье и одежда поступали из конфискованного имущества родителей...» [24].

В 1940-е гг. все воспитанники детских домов Центрального Казахстана были размещены в отдельных небольших домиках-общежитиях по 26–30 человек. Здания были построены еще в 1931–1932 гг. из саманного кирпича и требовали капитального ремонта: переделка крыш, перекладка стен, перестилка полов. Однако и эти работы никак не спасали сложившуюся ситуацию [25; 75]. Например, в Осакаровском детском доме № 5 воспитанники размещались в 13 домиках-общежитиях по 20–25 человек в каждом. 2 общежития не были заселены детьми по причине ветхого состояния зданий. Общежития были без окон (отсутствовали рамы и стекла) [26; 185]. Осакаровский детский дом № 9 размещался в 25 домиках, построенных из дерна и самана. 15 домиков были заняты под общежития, а 10 — под подсобные помещения (кухня-столовая, склады, мастерские, баня-прачечная и т.д.) [27; 438]. В Компанейском детском доме дети располагались в 21 саманных бараках. Кроме того, имелась столовая, банно-прачечный блок, амбулатория, изолятор, клуб, школа и мастерские. Здания были старые, непригодные, ветхие с прогнившими полами и протекающими потолками [27; 360]. Каркаралинский детский дом имел 9 жилых помещений, из которых 1 было занято под баню, 1 столовую, 1 контору, 1 квартиру директора, 1 квартиру завхоза, 1 квартиру Промкомбината и 3 здания — под общежития воспитанников. Общежития были без ремонта, с выбитыми стеклами [20; 117]. Майкудукский интернат для глухонемых занимал одно приспособленное помещение, в котором находилось 4 детских спальни, пионерская и клубная комнаты, 5 небольших комнат (кабинет директора, амбулатория, канцелярия, раздевалка и кладовая). Кроме интерната имелись еще здания: столовая, изолятор, школа, мастерская и продуктовый склад. Все помещения, кроме школы, были не электрифицированы, а сами здания требовали капитального ремонта [20; 188]. С 1946 г. в связи с ростом численности воспитанников были дополнительно введены еще 2 дошкольных детских дома. В частности, детский дом Нового города Караганды занимал благоустроенное типовое здание бывшего детского сада. Территория была обнесена забором, оборудована для игр и прогулок детей, озеленена. Детдом имел канали-

зацию, водопровод и электричество, печное отопление [27; 444]. Дошкольный детдом п. Майкудук был переведен из Кировского района в Сталинский в специально выстроенный барак, расположенный на территории Областного тубдиспансера и тубстационара [23; 49]. Таким образом, практически все детские дома располагались в ветхих саманных бараках, построенных еще в начале 1930-х гг. Более новые занимали здания 2 дошкольных детских дома: Нового города Караганды и Майкудукский детдом.

В 1940-е гг. Карагандинские детские дома испытывали дефицит в одежде, жестком и мягком инвентаре. Согласно Справке инспектора Облоно Сезоненко «О состоянии детских домов в Карагандинской области» на январь 1942 г. из одежды требовалось 730 шт. пальто, 750 шт. брюк, 835 пар белья для девочек, 829 шт. платьев, 852 шт. рубашек, 859 пар белья для мальчиков [20; 42]. Усугубилась ситуация в детских домах в 1943 г. К примеру, на 5 детских домов области с контингентом 1561 детей требовалось 1507 пальто (96,5 %), 925 белья для мальчиков (59 %), 971 белья для девочек (62 %), 1237 платья для девочек (79 %), 881 верхнего белья для мальчиков (56 %), 886 теплых платков (57 % платков), 600 шапок (38 %) и т.д. То есть, согласно статистике, воспитанники карагандинских детских домов были полураздетые, а имеющаяся одежда была в ужасном состоянии [20; 159].

Жестким инвентарем и посудой детдома были обеспечены не полностью. Катастрофическая ситуация была с мягким инвентарем. Например, Интернат для глухонемых Майкудука испытывал недостаток кроватей, тумбочек, табуреток, стульев. В столовой не хватало посуды, кухонных столов [20; 56]. Из акта Осакаровского детского дома № 5 за 1943 г. следовало: «Кроватей, тумбочек, стульев в детдоме есть достаточное количество. Совершенно не хватает матрацев, одеял, простынь, полотенец. Из-за недостачи матрацев и одеял 120 воспитанников спят по двое на одной кровати. В столовой столов, стульев и посуды имеется достаточное количество. Однако из-за неорганизованности дежурного воспитателя и работников кухни часто дети едят без ложек» [20; 39]. Тогда как из Акта обследования того же детского дома за июль 1944 г. следовало, что требовалось 450 кроватей, 100 столов, 550 стульев, 200 тумбочек, так как имеющаяся мебель на 50 % требует ремонта. Из мягкого инвентаря не достаёт 278 одеял, 275 матрацев, 525 простынь [26; 186]. Обследование Компанейского детского дома показало, что спальни, столовая, кухня были обеспечены необходимым инвентарем. Но были проблемы с наличием нательного и постельного белья, изношенность которого составляла более 50 % [20; 63] и т.д. В Каркаралинском детском доме не хватало столовой и кухонной посуды. Например, на 77 детей было всего 12 глиняных мисок, из-за чего детей в столовой кормили в несколько приемов [20; 117].

В отчетных документах за 1946–1947 гг. можно отследить аналогичные проблемы: «Из-за недостаточного количества кроватей и постельных принадлежностей более 600 воспитанников спят по двое на одной кровати. Недостаточно обеспечены детские дома ведрами, тазами, рукомойниками. Майкудукский детский дом совершенно не обеспечен столовой посудой. 600 воспитанников детских домов не имеют верхней зимней одежды и головных уборов» [28; 127–128].

Из-за нехватки верхней одежды дети не ходили в школу. Согласно Справке «О состоянии подготовки детских домов к зиме 1946–1947 гг.», адресованной Секретарю Карагандинского обкома КП (б) КазССР Галайдину следует, что в Компанейском детском доме 21 учащийся первого класса перестали посещать школу из-за отсутствия одежды. Не имели теплой одежды 160 воспитанников, прибывших из г. Семипалатинска. Они ходили в школу в свитерах и телогрейках, а 29 учеников из 4 класса в демисезонных пальто [28; 128]. В 1947–1948 гг. из отчетов и справок мы отслеживаем такие проблемы: «Не хватало 1000 штук шапок ушанок, 1900 пар валенок и кожаной обуви» [29; 172]. В 1949 г. Каркаралинском детском доме из 248 детей 50–60 воспитанников ходили в разорванных валенках. Некоторым ребятам пришлось надеть ботинки не по сезону. Из-за холода у детей опухали руки [30; 10].

О тяжелом положении детей свидетельствовал и их внешний вид. Так, в отчетной Справке за 1943 г. инспектором Облоно было дано внешнее описание воспитанника детского дома: «Пальто рванное, нет пуговиц, у многих ребят грязные уши и руки» [20; 44]. Внешнее описание воспитанников Каркаралинского детдома за 1949 г.: «Растрепанная шапка, бушлат на заплатках, не по росту велик, валенки разбитые и худые» [30; 10]. Эти описания свидетельствуют, что положение детей как в годы войны, так и после было нелегкое. Таким образом, на протяжении 1940-х гг. воспитанники детских домов остро нуждались в одежде. Государственные власти не могли создать элементарных ус-

ловий для проживания и обеспечить детские дома мягким и жестким инвентарем. Вследствие этого, детям было не на чем спать, сидеть, есть и нечего одевать.

Не лучшее положение было характерно в структуре организации и качестве питания. В 1942 г. организация питания обеспечивалась за счет самозаготовок мяса, жиров, крупы и зерна. В конце 1942 г. самозаготовки были строго запрещены и питание резко ухудшилось. Колхозы и райсоветы никакой помощи не оказывали. Детским домам приходилось выходить из тяжелой продовольственной ситуации за счет собственных подсобных хозяйств [20; 43]. К сожалению, бывали случаи, когда государством в полном объеме выделялись деньги на закупку продуктов питания, но детский дом их не мог закупить из-за отсутствия самих продуктов, то есть имелись деньги, но не было продуктов. Например, согласно Смете в 1942 г. для Майкудукского детского дома на приобретение продуктов питания было отпущено 137800 руб., израсходовано 96273 руб. Оставшиеся 41527 руб. были не израсходованы в виду отсутствия должного количества продуктов [20; 56].

В 1940-е годы незначительно улучшился ассортимент продуктов для воспитанников детского дома, по крайней мере, по отчетным документам. Если в 1930-е г. основной рацион, как по бумаге, так и по факту, составлял картофель и хлеб, то теперь добавились мясо, колбасы, конфеты, масло сливочное. Однако в целом питание по-прежнему было скудным, однообразным и неполноценным. Из-за постоянных перебоев в Горторготделе и Облторге детские дома не дополучали продукты питания. Из Справки школьного инспектора Сталинского района товарища Тянь следовало, что Майкудукский детский дом в 1942 г. в IV квартале приобрел: муки — 228 кг, вермишели — 60 кг, крупы — 295 кг, масла сливочного — 22 кг, масла растительного — 63 кг, пряников — 567 кг, конфет — 30 кг, мяса — 83 кг, колбасы — 8 кг продуктов [20; 56]. Тогда, как из Справки инспектора Облоно Скоробогатого, следовало, что Майкудукская школа-интернат из положенных 295 кг крупы получила всего 170 кг, из занаряженных 125 кг макарон совсем ничего не получили. Также не были выданы запланированные жиры, конфеты и кондитерские изделия [20; 186 об.]. Таким образом, данные материалы свидетельствуют, что по документам перечень продуктов, получаемый детскими домами, был намного шире, тогда как по факту не все продукты поступали в полном объеме.

Не редко дети сидели без основных продуктов питания. В апреле 1943 г. 900 детей осакаровских детских домов целый месяц сидели без хлеба [20; 186 об.]. В целом питание было однообразным ввиду отсутствия необходимого ассортимента продуктов (чая, сахара, жиров, яиц, кондитерских изделий и т.д.). В связи с этим, Облоно организовала проверку указанных детских домов. В день проверки воспитанники Осакаровского детского дома п. № 5 имели следующее меню: завтрак (суп лапша и 250 г хлеба), обед (щи с мясом, тушеный картофель, 300 г хлеба), ужин (пшенная каша, 250 г хлеба) [26; 38]. Но следует отметить, что сотрудники детских домов в день проверки всегда старались для «показа» сделать что-то вкусное. И этот механизм был везде. Вспоминает А.В. Волынская: «Пришла как-то комиссия, и всем накладывают полные миски винегрета. Спрашивают: «Вкусно? Довольны?» — «Да!» Комиссия уходит, официантка кричит: «Еще три смены не ели!» — и вываливает остатки [еды] из мисок в ведро» [31].

Весьма казусная ситуация сложилась в июне 1943 г. в Майкудукском интернате для глухонемых. Комиссией было обнаружено, что из продуктов питания в наличии был только хлеб, и детям было нечего есть [20; 188]. Тогда как по документам сотрудниками интерната было расписано меню, по которому, якобы, дети питались супами с отварным мясом, кефиром, сметаной и белым хлебом [20; 188 об.]. То есть, этот факт еще раз подтверждает, что, во-первых, в детские дома продукты не поступали в полном объеме, во-вторых, сотрудникам детских учреждений приходилось заниматься фальсификацией документов, в-третьих, больше всего страдали дети, так как оставались голодными. И самое ужасное, дети были глухонемые, которые не могли никому ничего сказать и пожаловаться.

Существенно недополучали продукты питания воспитанники детских домов и во второй половине 1940-х гг. Например, в 1947 г. только за сентябрь и октябрь месяцы Осакаровские детские дома недополучили 9018 кг хлеба, 5384 кг крупы [29; 172]. Из Отчетов за 1949 г. следовало, что в Каркаралинском детдоме питание воспитанников было однообразное. Основным продуктом для детей являлась мука, а также мясо, которое выдавалось детям кусками в варенном виде, иногда по 250–300 г на одного ребенка. В детдоме совершенно отсутствовали сухофрукты, яйца, колбасы, консервы. На момент проверки детдом не имел риса, манки, масла [30; 8]. В Дошкольном детском доме города Караганды питание было однообразным — каша, картошка, супы. Молочных продуктов и сливочного масла не было [27; 444]. Меню в Осакаровском детдоме п. № 5 состояло: завтрак — хлеб с маслом и чай, обед — щи, плов и чай, ужин — пирожок с капустой и молоко [27; 516].

Таким образом, питание воспитанников детских домов было однообразным и низкокалорийным. Постоянные перебои с поставкой продуктов питания первой необходимости, а порой их отсутствие, приводило к тому, что дети голодали, или находились в полуголодном состоянии. Только благодаря наличию детдомовских подсобных хозяйств воспитанники заготавливали некоторые продуктовые запасы, позволявшие им не остаться голодными.

Санитарно-гигиенические условия проживания детей не соответствовали необходимым стандартам. Во всех Отчетах отдела здравоохранения, исполнительного комитета, отдела образования и др. отмечалось неудовлетворительное санитарное положение в детских домах. Плохое санитарное состояние было свойственно для кухни, столовой и уборной. Было очень грязно на территории всех детских домов. Прачечная работала с перебоями. Белье не кипятили и не проглаживали. Качество стирки было отвратительным. Была острая нехватка мыла [20; 44]. Это приводило к тому, что дети мылись в бане и стирали белье без мыла. Так, по состоянию на 20 июня 1943 г. Облоно получил 430 кг хозяйственного мыла, тогда как потребность составляла 3914 кг. Из-за отсутствия мыла среди детей дошкольного возраста Осакаровского детского дома п. № 9 появились кожные заболевания, чесотка [20; 186 об.]. В Компанейском детском доме санитарное состояние было удовлетворительным. Больные дети находились в изоляторе. Прачечная работала с перебоями. Связано это было с отсутствием качественного хозяйственного мыла. Баня работала в режиме, с расчетом мытья каждого отряда 1 раз в неделю [20; 64 об.]. В Отчетах отдела здравоохранения за тот же период по Компанейскому детскому дому отмечалось, что «имеющееся белье сильно изношено, простыни и халаты сильно застиранные, наволочки грязные, для мытья рук и стирки бинтов нет мыла, уборные загрязнены» и т.д. [32; 2]. В Каркаралинском детском доме зафиксирована большая скученность, полная антисанитария, завшивленность детей. Директор детдома Нуржанов заявлял, что «завшивленность никогда не устранить, у всех есть вши и у меня тоже» [20; 112]. Дети были грязные и босые, носили оборванные вещи.

Детдома не на должном уровне проводили подготовку к зиме. К примеру, в Справке отмечается, что в 1943 г. Компанейскому детдому необходимо было иметь 200 кубометра дров и 1200 тонн угля, а по факту было заготовлено всего 50 кубометров дров и 300 тонн угля. Осакаровский детдом № 9 должен был закупить 128 кубометра дров и 737 тонн угля, а по факту — дров не было, уголь 230 тонн и т.д. Имеющийся уголь был мелкий, плохо горел и не грел. Вследствие этого в общежитиях детдомов было холодно, и температура не поднималась выше +5, +8 °С. В отдельных общежитиях температура была +4 °С и ниже 0 [20; 32].

В 1948 г. в Компанейском детском доме по-прежнему была высокая скученность детей. Здания, где жили дети, пришли в полную непригодность и обваливались. В каждом бараке проживало по 25–30 воспитанников. В среднем на одного ребенка приходилось 0,8 м² [27; 360]. Из-за скученности все дети спали по двое на одной кровати, постельного и нательного белья имелось только две смены [23; 49]. 74 ребенка из младших групп болели недержанием мочи. Мокрые матрацы этих детей сушились прямо в коридорах при входе в барак. Раздевалка для детей содержалась грязно. Поды имели выбоины, штукатурка на потолках осыпалась, оконные стекла были выбиты [27; 360]. Жилые бараки Осакаровского детского дома п. № 5 и п. № 9, расположенные в саманных домиках, также пришли в негодность из-за снежных заносов. Приходилось детей подселать к детям из других барakov. Вследствие этого дети спали по двое и трое на одной кровати. Постельное белье менялось один раз в 10 дней и имелось всего на 1,5 смену, а полотенец всего одна смена [23; 49]. В ходе проверки в июне 1949 г. среди воспитанников Осакаровского детдома п. № 9 были обнаружены вши. Кроме того, трахоматозные дети не были изолированы, а находились в тесном контакте со здоровыми детьми: купались в реке, занимались в кружках самодеятельности, ели вместе в столовой [27; 439 об.].

В 1949 г. на заседании Карагандинского областного комитета КП (б) К рассматривался вопрос о состоянии Каркаралинского детского дома, где были изучены материалы комиссии по проверке детского дома. В частности, было отмечено, что детский дом находился в антисанитарном состоянии и без ремонта, не хватало кроватей и постельного белья, дети спали по двое и трое на одной кровати, в баню воспитанники ходили редко и из-за чего была зафиксирована среди детей вспышка чесотки и инфекционного конъюнктивита. Из-за недоедания имели место случаи дистрофии [33; 191]. В антисанитарном состоянии находились столовая и кухня Каркаралинского детдома. Зал столовой не отапливался, двери плотно не закрывались. Пар из котлов попадал в зал, конденсировался на потолке и стенах, отчего получалась сырость, а иногда и обледенение. Из-за сырости со стен и потолков капала вода. Поскольку в столовой не было раздевалки, то дети кушали в одежде. Кухня была маленькая. В

одном помещении происходила варка пищи, топка печи, разделка продуктов, чистка картофеля, овощей и мытье посуды. Столовой посуды хватало только на одну треть воспитанников, из-за чего детям приходилось ждать очереди, и они опаздывали на уроки [30; 7 об.].

Таким образом, санитарно-гигиеническое состояние детских домов области было бедственным. Такое положение было связано с тяжелым периодом военного и послевоенного времени, вызвавшим острую нехватку всего.

Антисанитария, низкая температура в помещениях, сырость — все это негативно сказывались на здоровье детей. Сложившиеся в детских домах санитарные условия и нормы по питанию способствовали развитию различных заболеваний среди детей. К примеру, в 1943 г. в Осакаровском детском доме № 9 произошла вспышка брюшного тифа. Количество заболевших достигла 32 человек. Также в ходе проверки было выявлено 70 случаев чесотки. В Компанейском детском доме была выявлена корь [34; 115]. В 1946 г. в детских домах области на контингент 1295 человек [28; 127] было зафиксировано: 16 случаев кори (1,2 %), 9 — скарлатины (0,7 %), 6 — брюшного тифа (0,5 %), 24 — стригущего лишая (1,9 %), 18 — трахомы (1,4 %), 37 — чесотки (3 %), 16 — малярии (1,2 %), 68 — туберкулеза (5 %) и т.д. [21; 200]. Также следует отметить, что для детей, больных туберкулезом, выделяли путевки в детский тубсанаторий «Боровое» и санаторный пионерлагерь «Кокпехта» [21; 457].

Изучая статистическую сводку по заболеваемости детей в детских домах на конец 1948 г., следует отметить, что первое место занимала трахома (инфекционное заболевание глаз). Данная болезнь была обнаружена в 3 детских домах: Компанейском и в двух Осакаровских детских домах. Из 1496 детей болело трахомой 122 детей, или 8 %. На весь контингент детских домов области было зафиксировано 104 случая чесотки, 31 — стригущего лишая, 30 — туберкулеза, 23 — паротита, а также ангина (98 случаев), бронхит (48 случаев), коклюш, краснуха, корь и т.д. [23; 52]. Из Отчетов за 1949 г. в Майкудукском детском доме дети, инфицированные туберкулезом, трахомой и конъюнктивитом, не были изолированы, а находились в общих группах [27; 361]. В Осакаровском детском доме п. № 5 из 282 воспитанников комиссией было выявлено 51 ослабленных детей, или (18 %); 81 детей (29 %) с кожными заболеваниями (чесотка, пиодермия, дерматит, фурункул и т.д.); 115 детей (41 %) с глазными заболеваниями (трахома, конъюнктивит) [27; 363]. В Осакаровском детском доме п. № 9 комиссией были обследованы 449 детей. Из них было выявлено: ослабленных — 43 человек (9,5 %), с заболеваниями кожи (грибковые заболевания, чесотка, пиодермия и т.д.) — 24 человек (5,3 %), с глазными заболеваниями — 175 человек, или 39 % [27; 392].

Неоднократно в отчетных документах сотрудники детских домов отмечали, что резкий рост заболеваемости был связан с тем, что к ним периодически поступали дети из Долинки (Карлага) и с Карагандинского детприемника МВД в очень запущенном состоянии. В частности, они писали: «В 1948 г. дети с Карагандинского детприемника и Долинки поступили в исключительно запущенном состоянии с трахомой, чесоткой, стригущим лишаем, со значительным упадком питания» [27; 394]. Или «в октябре 1949 г. в Карагандинском детдоме было выявлено 2 детей с сифилисом, поступивших из детдома Карлага МВД» [27; 458–459]. С другой стороны, детприемники были вынуждены отправлять больных детей, так как они сами были перегружены и детей было просто некуда девать. Также следует учитывать, что в карагандинские детские дома поступали дети из детприемников других областей.

Таким образом, по отчетным документам можно констатировать, что состояние здоровья детей в детских домах области было не лучшим. Достаточно высокий процент составляли ослабленные дети, связанные с некачественным питанием. Первые позиции занимали кожные и глазные заболевания, что еще раз подтверждает, что санитарно-гигиенические условия и питание в детских домах было некачественным.

Изучив общую ситуацию и положение воспитанников детских домов в 1940-е гг., хотелось бы обрисовать их общий портрет. В морально-психологическом плане это были дети, лишенные материнского тепла и заботы, домашнего и семейного уюта. Как говорил сотрудник НКВД при аресте детей: «Ребенок воспитывался в семье врагов народа, и мы обязаны его перевоспитать» [35]. Детей, ставших жертвами сталинских репрессий и депортаций, унижали и издевались. Им внушали, что они дети врагов народа и должны нести наказание за своих родителей. Вспоминала А.Я. Белова: «Смотрели на нас действительно как на врагов, а пионервожатая всегда говорила: «Яблоки недалеко падают от яблони...» Эти слова, как ножом, резали по сердцу» [36]. Учитывая особенность детского развития, многие из них получили психологическую травму и, как следствие, росли замкнутыми, агрессивными, озлобленными, обиженными и даже сходили с ума. Причем многие из них росли и не понимали, а

порой считали нормой такое отношение к ним. Детям внушали, что советская власть проявляет заботу и любовь, а Сталин дарит счастливое детство! Вспоминал М.Н. Николаев: «С раннего детства нам повторяли: вы — самые счастливые дети в мире, никто, ни один ребенок на свете, не живет так счастливо, как вы. И никто, когда вырастет, не будет так счастлив, как мы, потому что мы окружены заботой и лаской нашего любимого вождя товарища Сталина. Нас учат, кормят, одевают, обувают — все потому, что нас очень любит советская власть и товарищ Сталин лично. И мы за все должны благодарить нашего любимого вождя. «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» — это была как молитва для нас» [2; 219].

Ничем не лучше было положение детей, чьи родители ушли на фронт. Создавшаяся в стране обшая ситуация, а именно — война, разруха, нехватка всего, полуголодное существование, страх — все это не щадило никого. Каждый ребенок, оказавшийся в детдоме, плыл по течению времени и просто выживал. Поэтому приходилось обманывать, огрызаться, воровать, драться и даже убивать. Во многих отчетах Облоно, исполкомовских решениях прослеживались такие замечания, как низкая успеваемость, нежелание детей учиться. Причем во всем обвиняли самих сотрудников отдела образования, учителей и даже врачей за плохое состояние детей. Но проблема заключалась в ином. Ведь элементарно детям было нечего одеть в школу, не хватало канцелярских принадлежностей, из-за большой скученности детям негде было делать домашние уроки, не было учебников и книг, и даже не было организовано нормальное детское питание. Поэтому полуголодный и полураздетый ребенок не думал о высокой успеваемости по учебе. В связи с этим мы неоднократно находили сведения, что воспитатели заставляли и воспитывали детей с помощью рукоприкладства.

Значительные трансформации произошли в советском обществе в 1950-е годы. Если говорить об общих тенденциях, то, конечно, период был связан со сменой власти, десталинизацией и наступлением хрущевской эры. В обществе наблюдались изменения, связанные с определенным улучшением благосостояния жизни советских людей, послаблением тоталитарного режима. Разоблачение культа личности Сталина способствовало началу реабилитации жертв политических репрессий. В стране начался процесс освобождения и восстановления в правах ранее незаконно осужденных и отправленных в лагеря людей. Определенные изменения претерпела система управления страной, был упразднен ГУЛАГ. Существенные улучшения произошли и в системе развития детских учреждений. Социальная политика государства была усиленно направлена на сокращение беспризорности и безнадзорности, и, следовательно, делалось все, чтобы вернуть несовершеннолетних к благополучным условиям жизни.

В 1950-е гг. к детским домам обратили серьезное внимание. Они были взяты под особый контроль. 4 декабря 1951 г. был опубликован Приказ МВД СССР № 934 «С объявлением Постановления Совета министров СССР от 26 ноября 1951 г. № 4857 «О мероприятиях по дальнейшему улучшению работы детских домов и усилению контроля за их учебно-воспитательной и финансово-хозяйственной деятельностью» [2; 492–494]. В Постановлении были отмечены следующие нарушения в системе детских домов: незаконная передача другим организациям закрепленных за детскими домами зданий, отсутствие педагогического образования у директоров и воспитателей детских домов, растраты и хищения финансов, детского питания, слабая организация учебно-воспитательной деятельности. Правительством было дано распоряжение ликвидировать нарушения в кадровом составе, организовать финансовые ревизии и инспекторские проверки работы каждого детского дома. Всем Советам Министров союзных республик был дан приказ разработать и утвердить до 1 февраля 1952 г. Устав детского дома [2; 493].

12 февраля 1954 г. был опубликован Приказ МВД СССР № 59 «О мероприятиях по улучшению работы детских домов» [2; 507–510]. Согласно которому Совет Министров СССР обязывал руководство всех республик улучшить жилищно-бытовые условия, медицинское обслуживание, обеспечить продуктами питания воспитанников детских домов, организовать бесперебойную работу комиссий по устройству детей, оставшихся без родителей, шире привлекать общественные организации, предприятия и учреждения к шефству над детскими учреждениями, устранить побег воспитанников из детских домов и т.д.

На территории Карагандинской области в 1950 г. имелось 6 детских домов. В том числе 4 школьного типа — Компанейский, Осакаровский (п. № 5), Каркаралинский, Майкудукский (специализированный для лечения трахомы, открыт в январе 1950 г.); 1 — дошкольный в Новом городе (Карагандинский); 1 смешанного типа — Осакаровский детдом (п. № 9) [37; 106].

В 1950-е гг. мы наблюдаем постепенное сокращение количества детей в детдомах. Если 1 января 1950 г. в 6 детских домах числилось 1838 детей, то в 1952 г. — 1646 детей (мальчиков — 55,4 %, девочек — 44,6 %). Наибольший контингент приходился на Компанейский детдом (502 детей), Осакаровский детдом п. № 5 — 299 и Осакаровский детдом дом п. № 9 — 390. По возрасту: дети от 3 до 6 лет — 116 человек (7 %), от 7 до 10 лет — 488 человек (29,6 %), от 11 до 13 лет — 712 человек (43,2 %), от 14 и старше — 330 человек (20 %) [38; 3–8]. Поскольку система ГУЛАГа, а в нашем случае Карлага, просуществовала до 1959 г., то в 1950-е гг. лагерные дети по-прежнему являлись источником пополнения контингента детских домов области. Подсчитано, что с 1951 по 1952 гг. в детские дома области поступили 521 детей. Из них: из приемников распределителей МВД — 192 детей (36,8 %), от местного населения через отделы народного образования 157 детей (30 %), от других детских домов — 160 детей (30,7 %), из домов ребенка министерства здравоохранения — 12 детей (2,3 %) [38; 3–8]. За период с 1951 по 1952 гг. из детских домов области выбыло 587 детей, где передача детей к родным стала одной из основных причин и составила 190 детей (32,3 %) [38; 3–8].

Согласно статистическим данным, в 1955 г. в детдомах области воспитывалось 1083 человек (590 мальчиков и 493 девочек). Этническая картина представляла: русские — 603 человек, казахи — 109 человек, немцы — 117 человек, чеченцы — 56 человек, прочие национальности — 198 человек [39; 30].

В 1956 г. контингент в детских домах выглядел следующим образом: в Литвинском детдоме Осакаровского района (бывший № 5) — 268 воспитанников, в Карагандинском дошкольном детдоме — 98, Пионерском детдоме Осакаровского района (бывший № 9) — 298, Компанейском детдоме — 251, Майкудукском детдоме — 83 [40; 2, 4, 6, 8, 10, 11]. Итого, в 1956 г. количество воспитанников в детских домах составило 998 человек (547 мальчиков и 451 девочек). Контингент детских домов в 1955 г. пополнился 345 детьми, где источником явились: поступления из приемников распорядителей МВД — 160 детей, из других детдомов — 125, от местного населения — 52, из домов ребенка — 8 [40; 1]. К сожалению, в общих статистических данных и отчетах детских домов мы не смогли отследить местонахождение родителей воспитанников детского дома. Они весьма отрывчаты. Единственное, мы нашли отчет об учебно-воспитательной работе и хозяйственной деятельности только по Литвинскому детдому за 1955 г., где была дана подробная характеристика родителям воспитанников. В отчете было отмечено, что из 241 воспитанников детдома родители 118 (48,9 %) детей погибли на фронте, у 57 (24 %) детей родители находились в заключении, а остальные дети — умерших родителей и случайно потерявших с ними связь [41; 407].

В 1959 г. контингент воспитанников составил 765 человек. Из них: в Дошкольном детдоме — 102 человека, Литвинском и Пионерском — 473 человека, в ведомственном Детдоме треста «Сталинуголь» — 140 человек, а также в Компанейской школе-интернате была оставлена группа детского дома на 50 воспитанников [42; 219].

Таким образом, контингент воспитанников детских домов сократился с 1838 человек в 1950 г. до 765 человек в 1959 г., то есть в 2,5 раза. Безусловно, такое сокращение было связано с постепенным улучшением ситуации в стране в послевоенные годы. Детей стали забирать в семьи освобожденные родители, а также родители и родственники, чье положение значительно материально улучшилось.

В 1950-е гг. детдома Компанейский и Осакаровский в поселках № 5 и 9, где воспитывался основной контингент (64 %), по-прежнему располагался в саманных домах, выстроенных в 1931-м году. К 1950-м гг. стены домиков уже деформировались, дверные и оконные рамы перекошились, крыши держались на подпорках, окна сравнивались с поверхностью земли. В зимних условиях крыши промерзали, стены потели, поэтому воздух был всегда тяжелый и сырой. Территория этих трех детдомов не была ничем огорожена. Возможности огородить деревянным штакетником не имелось. Летом 1950 г. в Осакаровском детдоме поселка № 5 на средства, отпущенные для ремонта, своими силами было выстроено 3 новых домика из самана под общежитие воспитанников [37; 106–107]. В 1951, 1954 гг. поднимался вопрос о строительстве новых зданий, однако все оставалось только на бумаге. Неполноценное финансирование, отсутствие должных жилых и нежилых помещений, централизованное распределение продовольственных продуктов и промышленных товаров стали причинами, фактически, хронических проблем детских домов, что впоследствии приводило к закрытию или объединению. Так, в августе 1955 г. Каркаралинский детский дом, по Приказу Министерства народного образования и Решению Областного Совета Депутатов Трудящихся, был расформирован и 67 детей были переведены в детдома области. Основанием для расформирования послужила непригодность помещений, занимаемых детдомом, и отдаленность от областного центра, что затрудняло своевре-

менное снабжение детдома продуктами питания, топливом и оборудованием [43; 78]. В 1959 г. Майкудукский трахомотозный детдом и Компанейский детский дом были реорганизованы в школу-интернат. Причем при Компанейском детдоме сохранили группу детского дома на 50 воспитанников [42; 219]. Таким образом, в 1959 г. на балансе области числилось полноценных 4 детских дома.

С целью оказания помощи детским домам с 1955 г. под особый контроль Облисполкома была взята общественная (шефская) помощь детским домам. Причем все детдома области были четко распределены: Майкудукскому детдому помогало Восточное Стройуправление, Карагандинскому дошкольному детдому — «Гипрошахт», Обком комсомола, трест «Шахстрой», Компанейскому — отделение Облторга Железнодорожного района и Паровозное депо ст. Сортировочная. Сельским детским домам оказывали помощь МТС. Помощь заключалась в покупке топлива, одежды, путевок в санатории и т.д. [44; 203].

Материальное снабжение детских домов Карагандинской области в 1950-е гг., по сравнению с предыдущими десятилетиями, значительно улучшилось. Постепенные изменения нами были отслежены в вопросе обеспеченности воспитанников детских домов одеждой, твердым и мягким инвентарем. Если в начале 1950-х г. все еще по-прежнему был дефицит, то к середине 1950-х гг. снабжение детдомов изменилось в лучшую сторону. К примеру, в Осакаровском детдоме п. № 5 в апреле 1950 г. из твердого инвентаря недоставало тумбочек, кроватей. Из мягкого не хватало нательного и постельного белья, теплых одеял, подушек. Хотя дети были полностью обеспечены обувью и верхней одеждой, но не было замены [45; 257 об.]. В Каркаралинском детдоме в 1951 г. из твердого инвентаря не хватало кроватей в количестве 35 штук. Вследствие чего 60 детей спали по двое. Мягким инвентарем были обеспечены полностью. Также было приобретено 165 пар валенок, а старые — ремонтировались в Мастерской детского дома [37; 88]. Компанейский детский дом недостаточно был обеспечен мягким инвентарем. Несмотря на то, что каждый воспитанник имел свою кровать, не хватало подушек, одеял, матрацев. Зато все воспитанники Компанейского детдома были обеспечены ученическими формами: девочки платьями, а мальчики костюмами, но не хватало демисезонных пальто [37; 91]. Со слов директора Майкудукского детского дома Алексева, мягким постельным инвентарем детский дом был обеспечен полностью. Однако не все дети имели обувь к новому учебному году. Мальчикам были сшиты новые брюки, а девочкам платья для школы [37; 92] и т.д.

В 1955–1956 гг. воспитанники были все обеспечены школьной формой: девочки шерстяными платьями, а мальчики костюмами. Зимней одеждой были обеспечены полностью, единственное, не хватило средств на полноценную закупку мелких товаров (ремней, детских резинок для волос, бантиков, лент, расчесок). Не хватало резиновой обуви (калоши, боты, резиновые сапожки), а также требовалось 500 шапок ушанок и 500 платков [44; 202, 253]. К сожалению, Компанейский, Пионерский и Литвиновский детдома недостаточно были обеспечены постельным бельем, где белья имелось полторы смены, и то, не по числу детей, а на фактическое число кроватей. Теплые одеяла были очень старые, подушки ватные, не хватало полотенца [43; 79]. В 1958–1959 гг. жестким и мягким инвентарем детдома были обеспечены полностью. У всех были железные панцирные кровати с матрацем, постельным бельем, подушкой и одеялом. Несмотря на скученность, во всех детдомах, как в спальнях, так и в рабочих комнатах уютно, чисто. Кровати аккуратно заправлены покрывалами, на тумбочках вышитые салфетки, на столах красивые скатерти, много цветов, дорожки. На окнах тюлевые шторы [42; 220].

Таким образом, в 1950-е гг. положение с обеспечением одеждой, твердым и мягким инвентарем значительно улучшилось. Безусловно, присутствовал дефицит на некоторые виды инвентаря или одежды, но это не носило массовый характер. Дети были обеспечены необходимыми предметами — кроватями, шкафами, постельными принадлежностями и одеждой.

Качество питания в детских домах области в 1950-е гг., в сравнении с 1930–1940-ми гг., значительно улучшилось, однако периодически возникали перебои. Из Докладной записки заместителя заведующего Облздравотделом Курганской следовало, что в 1952 г. детские учреждения области получили мясо — 40–50 %, масла — 40–50 %, молока — 10–15 %, овощей — 5–10 %, крупы — 180–200 %, сахар — 150–200 % [46; 34]. То есть в рационе питания детей недостаточно имелось мяса, масла, молока, овощей, то есть важнейших продуктов питания, без которых невозможно правильное развитие детского организма. Дети питались преимущественно углеводной пищей — хлебом, крупами, сахаром. В результате этого имели место развития у детей различных степени авитаминозов, ра-

хита и расстройств питания. Авитаминоз и полноценное питание провоцировали тяжёлое течение детских инфекций — корь, воспаление лёгких и др.

В 1953 г. незначительные перебои в поставке продуктов были зафиксированы только в Каркаралинском детдоме [44; 18]. В 1954 г. по Майкудукскому детдому был допущен перерасход хлеба в количестве 12479 кг, муки в 1445 кг и крупы 4296 кг. Тогда как недодано воспитанникам рыбы — 1973 кг, молока — 4809 л, яиц — 8730 шт и 1606 кг овощей [41; 82]. В Литвинском детдоме питание по калорийности было удовлетворительным. Но были случаи отсутствия сухофруктов, разных круп, животного масла. Мало было свежих фруктов, арбузов, дынь, бывали перебои в сладостях [41; 410].

В архивных документах нами было обнаружено меню Осакаровского детдома п. № 9, составленное на майские дни. В частности, завтрак включал в себя 200 г хлеба, 20 г сливочного масла, 2 шт яиц, 50 г печенья, 60 г чая с медом; обед состоял из комплекса — 200 г хлеба, 60 г лапши, 150 г картофеля, 100 г мяса, пирожка с джемом (50 г), 15 г масло топленного, 40 г киселя; полдник — 10 г какао, 15 г сахара, 20 г сливочного масла; ужин — 200 г хлеба, мяса жаренного с подливкой (150 г), 70 г лапши, 20 г чая с сахаром. В другие дни давали кабачковую икру, картофельный суп, разные каши, оладьи и т.д. [45; 267]. Таким образом, меню воспитанников детдомов области значительно изменилось. Впервые появился полдник, пища стала более-менее разнообразной, в сравнении с питанием 1930–1940-х гг. В 1958–1959 г. уже было установлено 3–4-разовое питание. Рацион был разнообразный, насыщен овощами. В зимний и межсезонный периоды проводили витаминизацию пищи. Калорийность пищи составляла 3000 калорий [42; 220]. Из продуктов питания постоянно имелось свежее мясо и рыба, масло, молоко, а из овощей — капуста, картофель, морковь, помидоры и огурцы. В более ограниченном количестве были фрукты, в частности, яблоки [42; 225].

Таким образом, в 1950-е гг. качество питания в детских домах, в сравнении с предыдущими годами, имело также положительные тенденции. Изменилось меню и рацион питания. Однако по-прежнему были проблемы со снабжением продуктами питания, которые поступали либо несвоевременно, либо в ограниченном количестве. Вопрос нехватки решали подсобные хозяйства при детских домах, где воспитанники своими силами держали скот или выращивали определенные плодовоовощные культуры. В 1950-е гг. дети не голодали, но их рацион питания все-таки в основном состоял из углеводной пищи, где преобладали хлебные изделия, крупы и сахар.

Санитарно-гигиеническое положение в первые годы 1950-х гг., безусловно, было не лучшим. К примеру, в Осакаровском детдоме п. № 5 в апреле 1950 г. из-за весенних паводков старые жилые здания были разрушены. Вследствие чего детей пришлось уплотнять и перемещать в другие отряды. В очень ветхом состоянии находились баня, кухня и склады детдома [45; 257 об.]. Санитарное состояние Каркаралинского детдома согласно Акту проверки от 20 января 1950 г. было неудовлетворительным: стены закопченные, под кроватями мусор, воздух не вентилировался из-за отсутствия форточки, дети спали без постельного белья. Не лучше было и в пищеблоках: грязные занавески на окнах, некрашенные не покрытые клеенкой столы, дефицит посуды, отсутствие света [45; 275]. Проверка Майкудукского детдома показала, что дети были грязные и неопрятно одеты. Санитарную обработку дети проходили в общей поселковой бане один раз в неделю. Дети сами мыли полы, возили воду, стирали свои вещи, даже делали побелку в коридоре, кухне, в комнатах. В антисанитарном состоянии была кухня, где из-за прогнившего потолка сыпался шлак. Было очень много мух, так как окна были без сеток. Для мытья столовой посуды не было тазов. Посуда мылась детьми очень плохо, а затем хранилась на столе, облепленная мухами. Сама кухня располагалась рядом со скотным двором. Уборная детей была не благоустроена. В стенах были большие дыры, двери оторваны [45; 286].

Отчетные документы за 1955 г. уже свидетельствуют об улучшении санитарно-гигиенических условий в детских домах. Дети были чистыми и опрятно одеты. В результате своевременного ремонта и закупки топлива во всех детских домах было тепло и уютно [41; 408 об.]. Однако, несмотря на проводимые мероприятия по улучшению санитарного состояния детдомов, в Компанейском, Пионерском, Литвинском детдомах санитарное состояние не отвечало необходимым требованиям. Так как указанные детдома находились в старых саманных зданиях, которые не выдерживали санитарные требования. По-прежнему отмечалась большая скученность. В этих детдомах более 30 % детей спали по двое на одной кровати [43; 79]. В 1959 г. этот вопрос рассматривался на заседании Коллегии Министерства здравоохранения КазССР, где было поручено решить проблему со скученностью и укомплектованием детских домов [42; 199]. Между тем, мы понимаем, что этот вопрос не мог решить один Облздрав или Облоно. Необходимо было строить новые детские дома. Ранее мы отмечали, что в

1954 гг. область ходатайствовала перед правительством об оказании финансирования для строительства детских домов. Тем не менее проблема не была решена даже в 1959 г.

Таким образом, в 1950-е гг. скученность детей являлась одной из причины антисанитарной обстановки. Все еще имели случаи не гигиенического содержания жилых помещений, столовой, кухни, а также нательного и постельного белья. Дефицит промышленных товаров провоцировал экономию. Вследствие чего, используемые в обиходе вещи (полотенце, постельное белье, вещи) были застираны. Антисанитарная обстановка провоцировала вспышку различных инфекционных болезней среди детей. Однако к середине 1950-х гг. санитарно-гигиенические условия в детских домах изменились в лучшую сторону.

В начале 1950-х гг., в сравнении с 1940-ми гг., уровень здоровья воспитанников детских домов значительно улучшился. Об этом свидетельствуют статистические данные по уровню заболеваемости и годовые отчеты медицинских сотрудников, обслуживавших детские дома области. Если в 1949 г. на 100 детей приходилось 49 случаев заболеваемости, в 1950 г. — 39 случаев, в 1951 г. — 28 случаев [46; 350], в 1952 г. — 22 случая [47; 33], в 1953 г. — 20 случаев, в 1954 г. — 19 случаев, в 1955 г. (за 9 месяцев) — 10 случаев [43; 79].

В начале 1950-х гг. значительные позиции занимала трахома, которая тоже в последующие годы имела тенденции на снижение. В частности, если на 1 января 1950 г. было зафиксировано 256 случаев, на 1 января 1951 г. — 234, на 1 января 1952 г. — 139, на 1 августа 1952 г. — 111 случаев [46; 352], то есть заметно сокращение в 2,3 раза. Касательно кожных и грибковых заболеваний, то их в 1952 г. практически не было, за исключением Дошкольного детдома Нового города, где было зафиксировано 6 случаев чесотки [46; 353]. Также в Отчетах за 1953–1954 гг. была отмечена тенденция по снижению различных инфекционных заболеваний.

С середины 1950-х гг. Министерство просвещения КазССР в рамках оздоровительной кампании стало централизованно организовывать летний отдых воспитанников детских домов. Детей регулярно, особенно в летние периоды, стали отправлять в пионерские лагеря, санатории, в Боровое, «Артек» и т.д. [44; 200]. В 1954 г. 88 воспитанников Майкудукского детдома в летний период находились в селе Петровка, где были построены палатки в 30 местах от р. Нуры. Дошкольный, Пионерский, Компанейский и Каркаралинский детдома проводили оздоровление на местах. Во всех детдомах было организовано 4-разовое питание. С детьми проводили экскурсии, прогулки, походы по изучению своего района, были собраны коллекции, гербарии. 55 воспитанника Компанейского детдома съездили на экскурсию в г. Алма-Ату, 20 воспитанников Литвинского детдома в г. Акмолинск, а 22 воспитанника Каркаралинского детдома побывали в г. Караганде. 6 воспитанников из Пионерского и Литвинского детдомов ездили в г. Москву на сельскохозяйственную выставку [39; 31] и т.д. Однако и здесь были свои недостатки в плане организации: дефицит мягкого и жесткого инвентаря, спортивного инвентаря, настольных игр, перебой с продуктами питания, плохое обеспечение свежими овощами, фруктами, ягодами, сливочным маслом и т.д. [48; 28–29]. При всех детских домах были открыты физкультурные площадки. Для улучшения состояния здоровья обязательным для детей стало еженедельное посещение бани [44; 200].

Таким образом, в 1950-е гг. медицинское обслуживание воспитанников значительно улучшилось. Сократилось количество заболеваемости, больше стали уделять внимание оздоровительным мероприятиям (пионерские лагеря, санатории, экскурсии и т.д.). К середине 1950-х гг. был решен вопрос с комплектацией детских домов медицинскими кадрами, что так оказало положительное влияние на медицинское состояние детей.

В начале 1950-х гг. впервые заговорили об установлении стандартного облика детских домов и его воспитанников, чего мы не отслеживали в документах более раннего периода. Если в 1930–1940-е гг. основная суть всех документов сводилась на спасение, выживание и трудовое использование осиротевших и обездоленных детей, то в 1950-е гг. уже был поставлен вопрос о создании благоприятных и культурных условий жизни для детей, направленных на воспитание советского человека. Уместно будет привести выступление заведующего Отдела народного образования по Карагандинской области Архипова, который дает следующие нормы по содержанию помещений: «В детском доме необходимо создать культурные условия жизни, способствующие воспитанию в детях необходимых навыков жить в коллективе, привычек и аккуратности, требовательности к себе и воспитания хорошего вкуса. Необходимо следить за уютом в спальне, не нужно наклеивать на стенах бесконечного количества картинок, вырезанных из журналов. На кроватях должно быть белоснежное белье, а между кро-

ватами дорожки. В групповых комнатах на стенах должен висеть портрет вождя, одна-две художественные картины, цветы на окнах, надо создать такую обстановку, чтобы ребенок с удовольствием сидел в рабочей комнате. Большое внимание надо уделять сервировке столов, дети должны кушать только на скатертях» [37; 97]. Касательно внешнего облика Архипов отмечал: «Большое внимание также надо уделять внешнему виду воспитанников, на каждого воспитанника надо шить платье по росту, обувь должна быть всегда начищена и зашнурована. Наши дети должны выгодно отличаться от домашних детей, на это отпускаются колоссальные средства государством, и мы обязаны уметь их использовать» [37; 97]. К концу 1950-х гг. ситуация изменилась в стране, повседневная жизнь значительно улучшилась. И это все сказывалось на общем облике детей. В Отчете за 1959 г. дается следующее описание: «Внешне дети выглядят опрятными, ногти, волосы подстрижены, завшивленности нет» [42; 222].

Безусловно, контингент воспитанников в детских домах был разный. Весьма интересные характеристики были даны неблагополучным детям, прибывшим из Компанейского детдома в Литвинский в октябре 1955 г. Приведем некоторые из них: «Умбитяров Владимир, казах, 1940 г.р. В Компанейском детдоме воспитывался с 1952 г., мочится, курит. Квачев Виктор — русский, 1944 г.р. В Компанейском детдоме с 1954 г., не учился, не любит трудиться, выражается нецензурными словами, курит, неряшлив. Ким Чен — кореец, 1943 г.р. В Компанейском детдоме с 1950 г. Драчлив, неряшлив, плаксив, очень ленив в учебе, не любит трудиться, вороват» [41; 255].

Но, в целом, в 1950-е гг. были изменены стандарты и отношение к детским домам. Особенно стали уделять внимание облику детских домов и внешнему виду детей. Возросли контроль и требовательность к порядку со стороны ответственных органов. Чаще стали пресекаться различные нарушения в отношении детей.

Заключение

Таким образом, в 1940-е гг. контингент воспитанников в детских домах возрос в 1,6 раза. Увеличение было связано с ростом количества детей, чьи родители ушли на фронт или погибли в боевых действиях. Немалую долю составили эвакуированные дети с оккупированных территорий. Сеть детских домов области также существенно пополнялась из лиц беспризорного и безнадзорного контингента, чьи родители находились на положении спецпоселенцев или в местах лишения свободы по политическим и иным статьям. К сожалению, область не была подготовлена к столь резкому увеличению детского контингента, поэтому имеющаяся сеть детских домов располагалась в старых и ветхих бараках, за исключением двух дошкольных детских домов, введенных в строй во второй половине 1940-х гг. В ежегодных отчетах и в актах по обследованию детских домов отмечалась острая нехватка одежды, обуви, белья, постельных принадлежностей, мебели. Не лучше обстояло дело и с питанием детей. Безусловно, оно стало лучше в сравнении с 1930-ми гг. Но по-прежнему рацион питания был однообразным. Из-за частных перебоев с поставками основных продуктов, сотрудникам детских домов приходилось экономить, а нередко и сами занимались хищением. Вследствие этого дети недоедали, выглядели истощенными, ослабленными и часто болели. Неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия, отсутствие необходимых медицинских препаратов провоцировали распространению инфекционных заболеваний: туберкулеза, трахомы, диареи, чесотки, педикулеза и других опасных болезней. Положение воспитанников детских домов оказало существенное влияние на их психологическое развитие и становление как людей.

В 1950-е гг. количество детских домов в области сократилось с 6 до 4 по причине ветхости зданий, недостатка финансирования и, конечно, сокращения контингента воспитанников. Эти тенденции были связаны, во-первых, с улучшением материального положения населения в стране. Во-вторых, с амнистией заключенных, расформированием ГУЛАГа, позволившим ранее заключенным, в том числе матерям, забрать к себе детей. Централизованное снабжение продовольственных и не продовольственных товаров в 1950-е гг. все еще создавало дефицит, но не в больших масштабах. Материальная обеспеченность детских домов области улучшилась и позволила ее воспитанникам сильно не нуждаться в одежде, в твердом и мягком инвентаре. Заметные улучшения произошли в рационе питания. Безусловно, имели место быть перебои в снабжении продовольственными товарами, но они уже не носили массовый характер. Обогатилось меню, и пища стала более-менее разнообразной. Санитарно-гигиенические условия в детских домах также изменились в лучшую сторону. Чистота и порядок становились главными атрибутами детдомовской повседневной жизни. Улучшение питания, изменение санитарно-гигиенических условий, планомерная вакцинация, усиление медицинского обслужи-

вания — стали основными причинами сокращения роста заболеваемости среди воспитанников детских домов. В целом, детский дом был не только местом проживания и удовлетворения базовых потребностей в еде, одежде, социализации, но и реализовывал идеологические функции, связанные с коммунистическим воспитанием и созданием «homo soveticus» советского человека, преданного партии и обществу.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта ИРН АР14871138 «Дети ГУЛАГа: из истории казахстанских лагерей и спецпоселений» (ГФ Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан) на 2022–2024 гг.

Список литературы

- 1 Государственный архив Карагандинской области (ГА КО). — Ф. 664. — Оп 1. — Д. 18.
- 2 Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / под ред. акад. А.Н. Яковлева. Сост. С.С. Виленский и др. — М.: МФД, 2002 — 631 с.
- 3 Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991 / С. Kelly. — Нью-Хейвен: Yale University Press, 2008. — 736 p.
- 4 Fuerst J. Prisoners of the Soviet Self / J. Fuerst // Europe-Asia Studies. — 2002. — Vol. 54. — 3. — P. 353–375.
- 5 Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. М.: РОССПЭН, 2001. — 336 с.
- 6 Журавлев С.В. Счастливое детство / С.В. Журавлев, А.К. Соколов // Социальная история. Ежегодник. — 1997. — М., 1998. — С. 159–202.
- 7 Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность (1945–1953 гг.) / Е.Ю. Зубкова. — М.: РОССПЭН, 1999. — 229 с.
- 8 Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия / В.Ф. Зима. — М.: Ин-т Рос. истории РАН, 1996. — 265 с.
- 9 Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) / М.Р. Зезина // Вопросы истории. — 1999. — № 1. — С. 127–136.
- 10 Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования / А.А. Сальникова. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2007. — 255 с.
- 11 Славко А.А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х–начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы. дис. докт. ист. наук / А.А. Славко. — Самара, 2011. — 488 с.
- 12 Ромашова М.В. Советское детство в 1945–середине 1950-х гг.: по материалам Молотовской области): дис. ... канд. ист. наук / М.В. Ромашова. — Пермь, 2006. — 211 с.
- 13 Рокутова О.А. Социальная защита детей и подростков в Среднем Поволжье в 1941–1950 гг.): дис. ... канд. ист. наук / О.А. Рокутова. — Оренбург, 2008. — 264 с.
- 14 Сүгірәлімова Г.Б. Қазақстандағы панасыз балалар. Мәселені шешу тарихы, тәжірибесі, қорытындысы (1920–1940 жж.): тарих ғыл. канд. ... дис. / Г.Б. Сүгірәлімова. — Қарағанды, 2006. — 152 б.
- 15 Абилямаликов К.К. Костанайский областной детский дом: прошлое и настоящее: [В 2-х ч.]. Исторический очерк / К.К. Абилямаликов, А.К. Кутубаева. — Костанай: Костанай. гос. пед. ин-т, 2019. — 201 с.
- 16 Кемелжанова Г.К. Становление и развитие детских домов в 1920–1940-е годы в Казахстане / Г.К. Кемелжанова // Молодой ученый. — 2020. — № 23 (313). — С. 616–620.
- 17 Абдукаримова Ж.К. Советское детство в годы войны (1941–1945 гг.): история и повседневность (на материалах Центрального Казахстана): дис. ... д-ра PhD / Ж.К. Абдукаримова. — Караганда, 2022. — 249 с.
- 18 Сактаганова З.Г. Детские дома в Центральном Казахстане в 1954–1964 гг.: организационная структура, функционирование, условия проживания / З.Г. Сактаганова, Д.Д. Шапагатова // Вестн. Евраз. нац. ун-та им. Л.Н. Гумилева. Сер. Исторические науки. Философия. Религиоведение. — 2023. — № 2 (143). — С. 86–107.
- 19 ГА КО. — Ф. 469. — Оп. 2. — Д. 88.
- 20 ГА КО. — Ф. 1П. — Оп. 2. — Д. 500.
- 21 ГА КО. — Ф. 664. — Оп.1. — Д. 95.
- 22 ГА КО. — Ф. 469. — Оп. 2. — Д. 320.
- 23 ГА КО. — Ф. 664. — Оп. 1. — Д. 35.
- 24 Воспоминания Савельева Н.Л. Архив Научно-исследовательского центра «Мемориал». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/123. — 19.01.2024>.
- 25 ГА КО. — Ф. 22. — Оп. 1. — Д. 550.
- 26 ГА КО. — Ф. 379. — Оп. 1. Д. 35.

- 27 ГА КО. — Ф. 664. — Оп. 1. — Д. 94.
 28 ГА КО. — Ф. 1П. — Оп. 2. — Д. 668.
 29 ГА КО. — Ф. 1П. — Оп. 1. — Д. 261.
 30 Государственный архив Каркаралинского района (ГА КР). — Ф. 132. — Оп. 1. — Д. 6.
 31 Воспоминания Вольнской А.В. Архив Московского историко-литературного общества «Возвращение». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/55863>.
 32 ГА КО. — Ф. 664. — Оп. 1. — Д. 36.
 33 ГА КО. — Ф. 1П. — Оп. 1. — Д. 300.
 34 ГА КО. — Ф. 664. — Оп. 1. — Д. 5.
 35 Воспоминания Войлошниковой Э.А. Архив Научно-исследовательского центра «Мемориал». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/126>.
 36 Воспоминания Беловой А.Я. Архив Научно-исследовательского центра «Мемориал». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/123>.
 37 ГА КО. — Ф. 469. — Оп. 2. — Д. 321.
 38 ГА КО. — Ф. 469. — Оп. 2. — Д. 95.
 39 ГА КО. — Ф. 469. — Оп. 2. — Д. 332.
 40 ГА КО. — Ф. 469. — Оп. 2. — Д. 117.
 41 ГА КО. — Ф. 469. — Оп. 2. — Д. 330.
 42 ГА КО. — Ф. 664. — Оп. 2. — Д. 412.
 43 ГА КО. — Ф. 664. — Оп. 1. — Д. 382.
 44 ГА КО. — Ф. 469. — Оп. 2. — Д. 333.
 45 ГА КО. — Ф. 664. — Оп. 1. — Д. 159.
 46 ГА КО. — Ф. 664. — Оп. 1. — Д. 268.
 47 ГА КО. — Ф. 664. — Оп. 1. — Д. 308.
 48 ГА КО. — Ф. 469. — Оп. 2. — Д. 324.

К.К. Абдрахманова, З.Г. Сактаганова

1940-1950 жылдардағы Орталық Қазақстандағы балалар үйлерінің тарихы

Мақалада архив материалдары мен естеліктер негізінде соғыс жылдарындағы және соғыстан кейінгі жылдардағы Орталық Қазақстандағы балалар үйлері қызметінің тарихына талдау жасалған. Зерттеу нысаны ретінде балалар үйлері мен түрлі себептерге (ашаршылық, депортация, Ұлы Отан соғысы, эвакуация, саяси қуғын-сүргін және ата-аналарының тұтқындалуы, ата-аналарының қайтыс болуы т.б.) байланысты мемлекеттің қамқорлығында қалған балалар/жасөспірімдер алынды. Авторлар аймақтағы балалар үйінің контингенті мен құрамын зерттеп, сонымен бірге балалардың балалар үйіне қалай келгенін атап көрсетеді. Мақала авторлары балалардың материалдық-тұрмыстық, тұрғын үй, санитарлық-гигиеналық жағдайына талдау жасайды. Денсаулық жағдайы, медициналық қызмет көрсетудің сапасына, тамақтандыру мен азық-түлік және азық-түліктік емес тауарлармен жабдықтау, тәрбие беру және жұмысқа орналастыру мәселелеріне жеке назар аударады. Авторлар 1940 жылдары Орталық Қазақстандағы балалар үйлерінің тәрбиеленушілер саны күрт өсті деп қорытынды жасайды. Осы кезеңде балалар үйлерінің жағдайы қиын болған, онда балалар көп жиналып, антисанитариялық жағдайлар, аштық пен ауру, балаларға қол жұмсау және оларды жәбірлеу жағдайлары орын алған. Ал 1950 жылдардың ортасына қарай балалардың материалдық жағдайын, тамақтану сапасын жақсартуда, балалар үйлері мен тәрбиеленушілерді киіммен қамтамасыз ету және тәрбие жұмыстарын жүргізуде айтарлықтай жақсартулар байқалған.

Кілт сөздер: кеңестік балалық шақ, Орталық Қазақстан, балалар үйі, еңбекпен тәрбиелеу колониясы, панасыз балалар, қараусыз балалар, кәмелетке толмай сотталғандар, ГУЛАГ балалары.

K.K. Abdrakhmanova, Z.G. Saktaganova

The history of orphanages in Central Kazakhstan in the 1940–1950 s.

In the article the functioning of orphanages in Central Kazakhstan during the war and the first years after it based on archival materials and memoirs was analyzed. The focus of the study is orphanages and children/adolescents who were left without families and placed in public care for various reasons (famine,

deportations, the Great Patriotic War, evacuation, political repressions and arrests of parents, death of parents, etc.). The children's contingent and their composition in the regional orphanages, highlighting the main sources of children's enrollment were studied by the authors. Authors analyzed children's material, housing, sanitary and hygienic living conditions. Special attention was paid to health issues and the quality of medical care, problems of nutrition and supply of food and non-food products, education. The authors concluded that a sharp increase in the number of children in orphanages in Central Kazakhstan occurred in the 1940s. The situation in orphanages was extremely difficult: high overcrowding, unsanitary conditions, hunger, diseases, abuse, etc. Detectable improvements were noted only by the mid-1950s. They were explicit in the enhancement of the orphanages' material conditions: quality of food, clothing, education and general appearance of orphanages and the inmates themselves.

Keywords: Soviet childhood, Central Kazakhstan, orphanages, educational labor colony, child homelessness, child neglect, juvenile convicts, children of the GULAG.

References

- 1 Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti (GA KO) [State Archive of Karaganda Region]. F. 664. Op. 1. D. 18 [in Russian].
- 2 Yakovleva, A.N., & Vilenskii, S.S. (Eds.). (2002). *Deti GULAGa. 1918–1956* [Children of the Gulag. 1918–1956]. Moscow: MFD [in Russian].
- 3 Kelly, C. (2008). *Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991*. Yale University Press.
- 4 Fuerst, J. (2002). Prisoners of the Soviet Self. *Europe-Asia Studies*, 54(3), 353–375.
- 5 Fitspatrik, Sh. (2001). *Povsednevnyi stalinizm. Sotsialnaia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. The social history of Soviet Russia in the 30s: the city]. Moscow: ROSSPEN [in Russian].
- 6 Zhuravlev, C.B., & Sokolov, A.K. (1998). *Schastlivoe detstvo* [Happy childhood]. *Sotsialnaia istoriia. Ezhegodnik — Social history. Yearbook*. Moscow: ROSSPEN, 159–202 [in Russian].
- 7 Zubkova, E.Yu. (1999). *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost (1945–1953 gg.)* [Post-war Soviet society: politics and everyday life (1945–1953)]. Moscow: ROSSPEN [in Russian].
- 8 Zima, V.F. (1996). *Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdenie i posledstviia* [Famine in the USSR 1946–1947: origin and consequences]. Moscow: ROSSPEN [in Russian].
- 9 Zezina, M.R. (1999). *Sotsialnaia zashchita detei-sirot v poslevoennye gody (1945–1955)* [Social protection of orphaned children in the post-war years (1945–55)]. *Voprosy istorii — Questions of history*, 1, 127–136 [in Russian].
- 10 Salnikova, A.A. (2007). *Rossiiskoe detstvo v XX veke: istoriia, teoriia i praktika issledovaniia* [Russian childhood in the XX century: history, theory and practice of research]. Kazan: Kazanski gosudarstvennyi universitet [in Russian].
- 11 Slavko, A.A. (2011). *Detskaia besprizornost i beznadzornost v Rossii kontsa 1920-kh–nachala 1950-kh godov: sotsialnyi portret, prichiny, formy borby* [Child homelessness and neglect in Russia in the late 1920s — early 1950s: a social portrait, causes, forms of struggle]. *Doctor's thesis*. Samara [in Russian].
- 12 Romashova, M.V. (2006). *Sovetskoe detstvo v 1945–seredine 1950-kh gg.: po materialam Molotovskoi oblasti* [Soviet childhood in 1945 — mid-1950s: based on the materials of the Molotov region.]. *Candidate's thesis*. Perm [in Russian].
- 13 Rokutova, O.A. (2008). *Sotsialnaia zashchita detei i podrostkov v Srednem Povolzhe v 1941–1950 gg.* [Social protection of children and adolescents in the Middle Volga region in 1941–1950]. *Candidate's thesis*. Orenburg [in Russian].
- 14 Sugiralimova, G.B. (2006). *Qazaqstandagy panasyz balalar. Mәseleni sheshu tarikhy, tazhibesi, qorytyndysy (1920–1940 zhzh.)* [Homeless children in Kazakhstan. History, experience, conclusion of solving the problem (1920–1940.)]. *Candidate's thesis*. Karaganda [in Kazakh].
- 15 Abilmalikov, K.K., & Kutubaeva, A.K. *Kostanaiskii oblastnoi detskii dom: proshloe i nastoiashchee: [V 2-kh chastiakh]. Istoricheskii ocherk* [Kostanay regional orphanage: past and present (in 2 parts). A historical sketch]. Kostanay: Kostanaiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut [in Russian].
- 16 Kemelzhanova, G.K. (2020). *Stanovlenie i razvitie detskikh domov v 1920–1940-e gody v Kazakhstane* [Formation and development of orphanages in the 1920s–1940s in Kazakhstan]. *Molodoi uchenyi — Young Scientist*, 23 (313), 616–620 [in Russian].
- 17 Abdukarimova, Zh.K. (2022). *Sovetskoe detstvo v gody voyny (1941–1945 gg.): istoriia i povsednevnost (na materialakh Tsentralnogo Kazakhstana)* [Soviet childhood during the war (1941–1945): history and everyday life (based on the materials of Central Kazakhstan)]. *Doctor's thesis*. Karaganda [in Russian].
- 18 Saktaganova, Z.G., & Shapagatova, D.D. (2023). *Detskie doma v Tsentralnom Kazakhstane v 1954–1964 gg.: organizatsionnaia struktura, funktsionirovanie, usloviia prozhivaniia* [Orphanages in Central Kazakhstan in 1954–1964: organizational structure, functioning, living conditions]. *Vestnik Evraziiskogo natsionalnogo universiteta imeni L.N. Gumilyova. Seriya Istoricheskie nauki. Filosofii. Religiovedenie — Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. A series of Historical sciences. Philosophy. Religious studies*, 2 (143), 86–107 [in Russian].
- 19 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. F. 469. Op. 2. D. 88 [in Russian].
- 20 Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti (GA KO). [State Archive of Karaganda Region]. F. 1P. Op. 2. D. 500 [in Russian].
- 21 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 664. — Op. 1. — D. 95 [in Russian].

- 22 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 469. — Op. 2. — D. 320 [in Russian].
- 23 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 664. — Op. 1. — D. 35 [in Russian].
- 24 Vospominaniia Saveleva N.L. Arkhiv Nauchno-issledovatel'skogo tsentra «Memorial» [Memoirs of Savelev N.L. Archive of the Memorial Research Center]. *alexanderyakovlev.org*. Retrieved from <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/123> [in Russian].
- 25 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 22. — Op. 1. — D. 550 [in Russian].
- 26 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 379. — Op. 1. — D. 35 [in Russian].
- 27 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 664. — Op. 1. D. 94 [in Russian].
- 28 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 1P. — Op. 2. — D. 668 [in Russian].
- 29 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 1P. — Op. 1. — D. 261 [in Russian].
- 30 GA KO. [State Archive of Karkaraly District]. — F. 132. — Op. 1. — D. 6 [in Russian].
- 31 Vospominaniia Volynskoi A.V. Arkhiv Moskovskogo istoriko-literaturnogo obshchestva «Vozvrashchenie» [Memoirs of Volynskaya A.V. Archive of the Moscow Historical and Literary Society “Return”]. *alexanderyakovlev.org*. Retrieved from <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/55863> [in Russian].
- 32 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 664. — Op. 1. — D. 36 [in Russian].
- 33 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 1P. — Op. 1. — D. 300 [in Russian].
- 34 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 664. — Op. 1. — D. 5 [in Russian].
- 35 Vospominaniia Voiloshnikovoi E.A. Arkhiv Nauchno-issledovatel'skogo tsentra «Memorial» [Memoirs of Savelev N.L. Archive of the Memorial Research Center]. *alexanderyakovlev.org*. Retrieved from <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/126> [in Russian].
- 36 Vospominaniia Belovoi A.Ya. Arkhiv Nauchno-issledovatel'skogo tsentra «Memorial» [Memoirs of Belova A.Ya. Archive of the Memorial Research Center]. *alexanderyakovlev.org*. Retrieved from <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/123> [in Russian].
- 37 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 469. — Op. 2. — D. 321 [in Russian].
- 38 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 469. — Op. 2. — D. 95 [in Russian].
- 39 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 469. — Op. 2. — D. 332 [in Russian].
- 40 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 469. — Op. 2. — D. 117 [in Russian].
- 41 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 469. — Op. 2. — D. 330 [in Russian].
- 42 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 664. — Op. 2. — D. 412 [in Russian].
- 43 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 664. — Op. 1. — D. 382 [in Russian].
- 44 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 469. — Op. 2. — D. 333 [in Russian].
- 45 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 664. — Op. 1. — D. 159 [in Russian].
- 46 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 664. — Op. 1. — D. 268 [in Russian].
- 47 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 664. — Op. 1. — D. 308 [in Russian].
- 48 GA KO. [State Archive of Karaganda Region]. — F. 469. — Op. 2. — D. 324 [in Russian].

Сведения об авторах

Абрахманова Кымбат — к.и.н., ассоциированный профессор кафедры археологии, этнологии и отечественной истории, Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан; <https://orcid.org/0000-0001-8775-7089>;

Сактаганова Зауреш — д.и.н., профессор кафедры археологии, этнологии и отечественной истории, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований, Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан; <https://orcid.org/0000-0002-5881-482X>

Information about the authors

Abdrakhmanova Kymbat — Candidate of historical sciences, associate professor of the Department of archeology, ethnology and Kazakhstan history, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan;

Saktaganova Zaurresh — Doctor of historical sciences, professor of the Department of archeology, ethnology and Kazakhstan history, Director of the Center for Ethnocultural, Historical and Anthropological Research, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan.